

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-510-520

УЛАНОВ Артем Игоревич,

Аспирант, ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», г. Москва,

e-mail: ulanov.art.ig@gmail.com

РЕГУЛИРОВАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СТЕЙБЛКОИНОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме определения природы стейблкоинов как нового класса цифровых финансовых активов и их места в правовой системе в контексте международного права. В работе исследуется сущность стейблкоинов, рассматривается их классификация, анализируются существующие регуляторные режимы, а также оцениваются подходы международных организаций к определению правовой природы и регулированию стейблкоинов. Цель исследования – проанализировать существующие подходы различных юрисдикций и международных организаций к правовой природе стейблкоинов и их классификации, сформулировать предложения по разработке новых рамочных международных документов, направленных на гармонизацию регулирования и минимизацию системных рисков. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) раскрыть характеристику стейблкоинов и сложившиеся подходы к их классификации; 2) сравнить национальные подходы; 3) проанализировать позиции международных организаций; 4) обосновать концепцию Международной рамочной конвенции о стабильных цифровых активах как механизма гармонизации.

Основным методом исследования стал синтез экономических и юридических подходов к определению правовой природы стейблкоинов, сравнительно-правовой анализ национальных регуляторных режимов и документов международных организаций, и систематизация доктринальных позиций.

Новизна исследования заключается в разработке авторского подхода к регулированию стейблкоинов и предложении концепции Международной рамочной конвенции о стабильных цифровых активах, закрепляющей единое определение стейблкоинов, минимальные требования к резервным активам, право держателя на погашение и механизм взаимного признания национальных режимов. Результатом исследования стал вывод о том, что правовая природа стейблкоинов, несмотря на их стремительное проникновение в глобальную финансовую систему, остается одной из наиболее сложных и неразрешенных проблем современного международного права, характеризующейся глубокой фрагментацией как на межгосударственном, так и на межинституциональном уровне. Концепция создания рамочного международного соглашения представляет собой теоретически оптимальную, но практически труднодостижимую цель на среднесрочную перспективу; реалистичным сценарием является эволюционное сближение регуляторных стандартов через механизмы взаимного признания и экстерриториального применения, поддерживаемое «мягким правом» международных организаций.

Ключевые слова: стейблкоины, цифровые финансовые активы, международное право, криптовалюта, блокчейн, гармонизация регулирования, MiCA, GENIUS Act, ФАТФ, МВФ, БМР, СФС.

ULANOV Artem Igorevich,

Graduate student, FSBEI HE "All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation," Moscow

REGULATION AND CLASSIFICATION OF STABLECOINS IN CONTEXT

Annotation. This article examines the problem of determining the nature of stablecoins as a new class of digital financial assets and their place in the legal system in the context of international

law. The paper examines the essence of stablecoins, considers their classification, analyzes existing regulatory regimes, and evaluates the approaches of international organizations to defining the legal nature and regulation of stablecoins.

The aim of the research is to analyze existing approaches of various jurisdictions and international organizations to the legal nature of stablecoins and their classification, and to formulate proposals for the development of new framework international documents aimed at harmonizing regulation and minimizing systemic risks. To achieve this aim, the following objectives are set: 1) to characterize stablecoins and existing approaches to their classification; 2) to compare national approaches; 3) to analyze the positions of international organizations; 4) to substantiate the concept of an International Framework Convention on Stable Digital Assets as a mechanism for harmonization.

The main research method was the synthesis of economic and legal approaches to determining the legal nature of stablecoins, a comparative legal analysis of national regulatory regimes and documents of international organizations, and the systematization of doctrinal positions.

The novelty of the research lies in the development of the author's approach to the regulation of stablecoins and the proposal of the concept of an International Framework Convention on Stable Digital Assets, which establishes a uniform definition of stablecoins, minimum requirements for reserve assets, the holder's right of redemption, and a mechanism for mutual recognition of national regimes. The result of the research is the conclusion that the legal nature of stablecoins, despite their rapid penetration into the global financial system, remains one of the most complex and unresolved problems of contemporary international law, characterized by deep fragmentation both at the interstate and interinstitutional levels. The concept of creating a framework international agreement represents a theoretically optimal but practically difficult-to-achieve goal in the medium term; a realistic scenario is the evolutionary convergence of regulatory standards through mechanisms of mutual recognition and extraterritorial application, supported by the "soft law" of international organizations.

Key words: *stablecoins, digital financial assets, international law, cryptocurrency, blockchain, regulatory harmonization, MiCA, GENIUS Act, FATF, IMF, BIS, FSB.*

Введение

В современную эпоху, сочетающую стремительный технологический прогресс с появлением всё новых экономических вызовов, блокчейн-технологии радикально трансформируют глобальную финансовую архитектуру. Впервые криптовалюты предложили децентрализованную альтернативу традиционным банковским системам, снизив барьеры доступа к финансовым услугам, ускорив трансграничные переводы и создав новые формы экономической активности. Однако высокая волатильность первых криптоактивов и отсутствие предсказуемости сделали область их применения весьма ограниченной и сформировали запрос на возникновение новой, особой формы криптоактивов, сочетающей в себе сохранение достоинств блокчейн-технологий с отсутствием привычных для криптоактивов рисков высокой волатильности курса [0-1, с. 66].

Ответом на данный запрос стали стейблкоины, быстро завоевав популярность среди пользователей по всему миру, выступив в роли «моста», соединяющего традиционный и цифровой рынки [2, с. 64]. Так, по данным аналитической платформы DeFiLlama, по состоянию на май 2026 года совокупная рыночная

капитализация стейблкоинов превысила 322 миллиарда долларов США, продемонстрировав рост более чем на 30 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [3]. Такой рост отражает реальную востребованность таких инструментов как в корпоративном секторе, так и среди миллионов частных пользователей по всему миру.

Однако за впечатляющими масштабами стоит фундаментальная правовая неопределённость. Правовая природа стейблкоинов остаётся предметом острых дискуссий: они одновременно проявляют отдельные свойства национальных валют, инвестиционного инструмента и даже частных цифровых денег. Отсутствие единого международно-правового понимания их сущности создаёт серьёзные регуляторные риски и препятствует полноценной интеграции этих активов в глобальную финансовую систему.

Цель настоящей статьи – последовательно проанализировать существующие подходы различных международных организаций к правовой природе стейблкоинов и их классификации, а также сформулировать предложения по разработке новых рамочных международных документов, способных

обеспечить гармонизацию регулирования и минимизацию системных рисков в этой сфере.

Экономическая характеристика стейблкоинов

Понимание правовой природы стейблкоинов невозможно без осмысления их экономической сущности. Юридическая квалификация любого финансового инструмента должна опираться прежде всего на его экономические характеристики, поскольку именно они определяют реальные функции, риски и место актива в глобальной финансовой системе. Без такого фундамента любые правовые конструкции рискуют оказаться оторванными от реальности и не способными эффективно регулировать возникающие отношения.

Доктор экономических наук Д. А. Кочергин определяет их как криптоактивы, которые: «1) выпускаются идентифицированным эмитентом на блокчейне в форме обращающихся цифровых обязательств или депозитарных расписок; 2) поддерживают стабильность обменного курса за счет привязывания к базовому низковолатильному денежному или товарному обеспечению или посредством использования алгоритмических технологий; 3) могут использоваться в качестве средства сбережения, а также средства обмена и/или средства платежа у лиц, отличных от эмитента» [4, с. 148]. Аналогичную позицию занимает кандидат экономических наук Т. А. Горбачева, подчёркивая, что стейблкоины – это «единственная форма криптовалют, в которой не нужно беспокоиться о нестабильности и волатильности цен», поскольку они имитируют стабильность фиатных валют и выполняют функции средства платежа и сохранения стоимости в условиях высокой инфляции и геополитической неопределённости [5, с. 129].

В экономической доктрине сложилась классификация стейблкоинов, основанная на механизме обеспечения и поддержания привязки. Авторы Банка международных расчётов выделяют четыре основные категории в зависимости от наличия и характера резервов: фиатно-обеспеченные, криптообеспеченные, товарные и необеспеченные (алгоритмические) [6, с. 4].

Эта классификация поддерживается и другими исследованиями, включая профессора Гонконгского университета Дугласа Арнера с соавторами, которые проводят различие между обеспеченными активами (asset-linked) и алгоритмическими (algorithm-based) стейблкоинами [5-7, с. 6], а также доклад МВФ, акцентирующий внимание на доминировании фиатно-обеспеченных моделей и уязвимости алгоритмических [8, с. 8]. В более поздних актах Банка международных расчётов за 2026 год также

подтверждается, что стейблкоины продолжают сохранять указанную типологию [20, с. 5–7].

Первая категория – фиатно-обеспеченные (fiat-backed или fiat-collateralized) стейблкоины. Это стейблкоины, которые претендуют на обеспечение активами, номинированными в фиатной валюте, где эмитент обязуется или стремится поддерживать соотношение 1:1 с резервами в виде валюты. Данный тип составляет подавляющее большинство рынка. Классическими примерами служат USDT (Tether) и EURS (Stasis Euro).

Вторая категория – товарные (commodity-backed) стейблкоины, обеспеченные физическими активами, прежде всего драгоценными металлами. Банк международных расчетов определяет их как стейблкоины, «которые претендуют на обеспечение товарами», где каждый токен удостоверяет право на определённое количество золота или другого актива, хранящегося в сертифицированных хранилищах [6, с. 4]. Примерами являются PAX Gold (PAXG) и Tether Gold (XAUT).

Третья категория – криптообеспеченные (crypto-collateralized или crypto-backed) стейблкоины. Это стейблкоины, которые претендуют на обеспечение другими криптоактивами, обычно с избыточным обеспечением (оверколлатерализацией), то есть с механизмом, при котором стоимость активов, заблокированных в резерве, превышает сумму выпущенных стейблкоинов. Наиболее известный пример – DAI от MakerDAO.

Четвёртая категория – алгоритмические (необеспеченные или частично обеспеченные) стейблкоины. Стейблкоины такого типа напрямую не поддерживаются ни фиатными валютами, ни товарами, ни криптовалютами, а стабильность поддерживается исключительно алгоритмическими технологиями и встроенными экономическими стимулами.

Поскольку самым распространённым видом стейблкоинов являются именно фиатно-обеспеченные стейблкоины, большинство дискуссий о месте стейблкоинов в юридической и экономической теории строится именно на них. Это не вызывает удивления, ведь именно фиатно-обеспеченные стейблкоины по своей сути наиболее близки к привычным безналичным деньгам, имея единого эмитента и де-факто техническую возможность выступать в качестве средства платежа.

Вместе с тем схожую функцию могут выполнять и крипто-обеспеченные стейблкоины, и алгоритмические стейблкоины. Например, крипто-обеспеченный стейблкоин DAI, работающий на базе Ethereum, также как и USDT привязан к курсу доллара, однако, в

отличии от USDT, DAI не имеет единого эмитента. Вместо этого каждый пользователь может самостоятельно «выпустить» DAI под залог иного криптоактива. Алгоритмический стейблкоин UST же, также привязавшийся к курсу доллара, вообще не имел залога или обеспечения, а регулировал цену на основе чистого алгоритма, где для создания 1 UST было необходимо «сжечь» 1 доллар в токене LUNA [9, с. 26].

Если описанные ранее примеры стейблкоинов, имея крайне разную техническую реализацию, всё равно так или иначе стремились дать ответ на запрос о создании альтернативы фиатной валюты, то товарно-обеспеченные стейблкоины же, как правило, воспринимаются как способ владения и инвестирования в определенный товар (например, XAUT, привязанный к золоту) не напрямую, а в рамках блокчейн-экосистемы. Существование товарно-обеспеченных стейблкоинов явно выводит стейблкоины за рамки только лишь «альтернативы фиатной валюты» и требует более широкого взгляда как на сферу их применения, так и юридическую природу.

Разнообразие подходов к регулированию стейблкоинов

Проводя юридический анализ стейблкоинов, невозможно обойти центральную методологическую трудность: эти инструменты не образуют гомогенной правовой категории. Любая попытка дать им единое юридическое определение неизбежно наталкивается на фундаментальную разнородность их экономических механизмов. Фиатно-обеспеченный стейблкоин USDT, эмитируемый компанией Tether Limited и подкрепленный резервами в долларах США и эквивалентах, порождает одну правовую конструкцию – по сути, близкую к цифровым деньгам и обязательству эмитента по погашению. Совершенно иную природу имеет необеспеченный алгоритмический стейблкоин UST (TerraUSD) или товарный XAUT (Tether Gold).

Вместе с тем, практическое значение такой классификации трудно переоценить. Если USDT квалифицировать как электронные деньги, то эмитент может попадать под валютное регулирование, близкое к банковскому, с требованиями к резервам и лицензированию. Как ценная бумага – включается режим раскрытия информации и защиты инвесторов. Как товар – применяется законодательство о товарообороте. В то же время неправильная или фрагментарная квалификация способна как создать чрезмерные барьеры для инноваций, так и напротив, породить системные риски для финансовой стабильности.

В условиях правовой неопределённости многие юрисдикции уже предприняли попытки

самостоятельного регулирования стейблкоинов. Результаты этих усилий оказались крайне разнородными: от жёсткого запрета до свободного использования. Рассмотрим несколько из этих подходов:

В Российской Федерации стейблкоины до сих пор не имеют самостоятельного правового статуса. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» относит цифровую валюту к «совокупности электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

По мнению ряда авторов, например, кандидата юридических наук А. М. Переседова, стейблкоины формально не соответствуют этому определению, так как у них имеется централизованный эмитент. В тоже время автор признает, что позиции отдельных государственных органов всё же допускают квалификацию стейблкоинов в качестве цифровой валюты [10, с. 278].

Впрочем, у этого определения имеются и иные недостатки. Во-первых, не ясно, что в данном случае следует понимать под «денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей». Как будет рассмотрено далее на примере США и Евросоюза, криптоактивы в целом и стейблкоины в частности вполне могут признаваться законным способом платежа, в том числе в рамках межгосударственных объединений. Является ли в таком случае USDT «денежной единицей иностранного государства» или «международной расчетной единицей»? Во-вторых, строгое требование к отсутствию иных обязательств перед держателем помимо соблюдения порядка выпуска и ведения учета также выглядит излишним, поскольку, как будет видно далее, во многих юрисдикциях такие обязательства всё же могут предусматриваться.

Важно также отметить, что стейблкоины не относятся и к категории «долговых цифровых финансовых активов», введенной Федеральным

законом № 466-ФЗ от 15.12.2025, так как она включает в себя только те цифровые финансовые активы, которые включают исключительно денежные требования в размере цены приобретения и сумм периодических выплат, оплачиваются только денежными средствами, выпускаются после полной предоплаты. Стейблкоины же не предусматривают периодических выплат, выпускаются еще до приобретения пользователем.

В то же время, и к неспециализированным цифровым финансовым активам по российскому законодательству в полной мере отнести стейблкоины довольно сложно, так как к Закон о ЦФА относит к ним цифровые права, включающие денежные требования, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном тем же Законом о ЦФА. При этом архитектура стейблкоинов сама по себе не предусматривает обязательное юридическое оформление решения об их выпуске, тем более в строгом соответствии с требованиями, предъявляемыми российским законодательством к такому решению.

Прямо отнести по крайней мере отдельные категории стейблкоинов к цифровым финансовым активам предлагают авторы законопроекта № 540256-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который рассматривается в Государственной Думе с января 2024 года. Ими предлагается включение в Закон о ЦФА следующей формулировки: «К цифровым финансовым активам относятся обеспеченные стейблкоины – цифровые активы, которые стремятся поддерживать стабильную стоимость за счет привязки к курсу золота». Однако, впоследствии данный законопроект получил негативный отзыв Правительства Российской Федерации и профильного комитета Государственной Думы, так как вводил отсутствующее в законе понятие «цифровые активы» и ограничивал стейблкоины лишь теми, что привязаны к золоту, в связи с чем так и не был принят по состоянию на настоящий момент.

Можно говорить о том, что российское законодательство в сфере регулирования криптоактивов и стейблкоинов в частности находится в стадии активного развития [11, с. 59]. Так, в конце 2025 года Центральный Банк России предложил концепцию по регулированию криптовалют на российском рынке, согласно которой стейблкоины признаются валютными ценностями. Кроме того, необходимость доработки российского законодательства в сфере регулирования стейблкоинов также подтвердил

Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.01.2026 № 2-П, где подчеркнул необходимость законодательного уточнения статуса таких активов в связи с разнообразием данного вида активов.

В настоящий момент в России к стейблкоинам как к криптоактивам применяются общие положения об имуществе, а российские держатели стейблкоинов могут инвестировать в них, хранить и передавать их (в том числе обменивать их на рубли), однако использовать их как средство платежа внутри страны запрещено. Выкуп по номиналу возможен через вторичный рынок или зарубежных эмитентов, без прямой юридической обязанности со стороны российского законодательства. Имущественный статус криптоактивов в России подтверждается и правоприменительной практикой. Так, по данным Федеральной службы судебных приставов в начале 2026 года в России впервые списали задолженность по алиментам с брокерского криптосчета должника [23].

В Соединённых Штатах Америки регулирование стейблкоинов получило большее развитие с принятием в июле 2025 года Закона о руководстве и создании национальных инноваций для стейблкоинов США (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act, сокращ. GENIUS Act). Закон вводит федеральный режим для «платежных стейблкоинов» («payment stablecoins»), требующий от всех разрешенных эмитентов 100% обеспечения стейблкоинов иными активами, такими как доллары США, векселя, облигации или бонды [12, с. 339]. Закон также обязывает каждого эмитента установить четкие и процедуры для своевременного выкупа находящихся в обращении платежных стейблкоинов, раскрывать все сборы связанные с их покупкой и продажей. В целом, эмитент стейблкоина официально признаётся финансовым институтом. Криптообеспеченные и алгоритмические стейблкоины в полной мере не подпадают под режим «payment stablecoins» и регулируются в основном как обычные цифровые активы с повышенными рисками.

При этом американское законодательство не относит стейблкоины к так называемому «legal tender», то есть «законному платежному средству». Однако важно отметить, что данная классификация не запрещает использование стейблкоинов как средства оплаты в принципе, а лишь говорит о том, что, в отличие от «законного платежного средства», государство не принуждает всех частных и публичных лиц к обязательному приему стейблкоинов в качестве оплаты за товары и услуги. В случае же согласия сторон, использование стейблкоинов в качестве средства оплаты остается законным.

Европейский Союз пошёл по пути гармонизации. Регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets) не даёт отдельного определения понятия «стейблкоин», но чётко разделяет криптоактивы на токены, привязанные к активам (asset-referenced tokens, ART), токены электронных денег (e-money tokens, EMT) и служебные токены (utility tokens, UT). При этом фиатные стейблкоины относятся именно к EMT, так как для отнесения к ART требуется, чтобы стейблкоин был привязан к товарам или нескольким фиатным валютам. Товарные и криптообеспеченные стейблкоины же, таким образом, относятся к ART, в то время как алгоритмические вообще выпадают за рамки акта. [13, с. 5]

Как в случае с ART, так и в случае с EMT стейблкоинами их держатель вправе покупать и продавать их, инвестировать в них, использовать как средство платежа (причем регламент сознательно использует термин *means of exchange* вместо *means of payment* чтобы охватить любые формы платежей и расчетов, включая те, которые не признаются официальными деньгами), а также требовать от эмитента своевременного погашения. Отличия в правах использования между ними происходят из их сущности. Так, для EMT предусмотрено право на погашение по номиналу 1 к 1, для ART – по рыночной стоимости привязанных активов

В Китае действует наиболее жёсткий запретительный подход. С 2021 года все операции с криптоактивами, включая стейблкоины, квалифицируются как незаконные финансовые операции; стейблкоины с привязкой к юаню прямо запрещены. Такой подход полностью исключает риски для национальной валюты и финансовой системы, однако стимулирует теневой оборот и лишает экономику потенциальных преимуществ цифровых расчётов.

Таким образом, существующие национальные подходы демонстрируют широкий спектр решений – от полного запрета до относительно свободного использования. [14, с. 424] Это разнообразие, вызванное отсутствием единого понимания природы стейблкоинов, создаёт риски регуляторного арбитража, фрагментации глобального рынка и неэффективного распределения системных рисков. Всё это объективно обуславливает необходимость разработки гармонизированных рамочных международных документов, направленных на уменьшение данных рисков.

Подходы международных организаций к правовой природе и регулированию стейблкоинов

Отсутствие единого международно-правового понимания природы стейблкоинов и отсутствие универсальных рамок их регулирования является одной из ключевых

проблем современной глобальной финансовой архитектуры. В отличие от национальных юрисдикций, где уже сформированы (хотя и весьма разнородные) режимы обращения стейблкоинов, на уровне международных организаций преобладает фрагментарный, преимущественно рекомендательный подход, ориентированный либо на финансовую стабильность, либо на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Ни одна из ведущих организаций не обладает полномочиями по прямому регулированию, что усиливает риски регуляторного арбитража и фрагментации глобального рынка.

ФАТФ (Financial Action Task Force) рассматривает стейблкоины через призму ПОД/ФТ-рисков. ФАТФ в целом считает, что «стейблкоин» – это не отдельная юридическая или нормативная категория для определенного типа активов, а скорее маркетинговый термин [15, с. 3].

Сданным утверждением довольно сложно согласиться, учитывая широкую практику применения стейблкоинов и постепенное увеличение количества юрисдикций, признающих стейблкоины полноценной правовой категорией.

Тем не менее, в своем Целевом отчете по стейблкоинам и автономным кошелькам без хостинга (март 2026 г.) ФАТФ всё же даёт определение стейблкоинов: «стейблкоин – это одна из форм виртуальных активов, представляющая собой цифровое представление ценности, которое может быть цифровым образом продано, передано и использовано в целях платежа или инвестирования... термин обычно относится к типу виртуального актива, который имеет механизм стабилизации и может использоваться в качестве средства платежа и/или средства сохранения стоимости» [16, с. 6].

Относительно конкретных операций со стейблкоинами, ФАТФ не регулирует и не оценивает экономическую и юридическую целесообразность их использования. Для ФАТФ не имеет значения, разрешит ли конкретное государство расплачиваться стейблкоинами в магазинах или запретит это, гарантирует ли государство право выкупа стейблкоинов и имеет ли оно требования к их обеспечению. Задача ФАТФ – гарантировать, что, если какая-либо операция с использованием стейблкоинов всё же происходит, – все стороны операции должны быть идентифицированы в соответствии с принципом KYC и применением Рекомендаций ФАТФ (например, Рекомендации 15, посвященной использованию новых технологий) с целью избегания рисков, связанных с отмыванием преступных доходов и финансирования терроризма. При этом высоко рискованными

признаются P2P-транзакции через автономные кошельки.

Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board) рассматривает стейблкоины принципиально иначе, чем ФАТФ – через призму макроэкономики, системных рисков и финансовой стабильности. Если ФАТФ следит за тем, чтобы монеты не использовались преступниками, то СФС оценивает, может ли крупный стейблкоин в случае своего краха обрушить традиционную банковскую систему. С этой целью СФС ввел в своих документах понятие – «глобальный стейблкоин» (Global Stablecoin – GSC).

СФС отмечает, что если стейблкоин начинает массово использоваться для платежей, он превращается в системно значимую платежную инфраструктуру [17, с. 2]. Государства обязаны регулировать его так же жестко, как классические платежные системы (принцип «один и тот же риск, одна и та же деятельность, одно и то же регулирование») [18, с. 2]. В июле 2023 года СФС утвердила 10 высокоуровневых рекомендаций по регулированию глобальных стейблкоинов, направленных на ужесточение контроля над ними. Рекомендации охватывают вопросы юридических полномочий регуляторов, технологически нейтрального подхода, управления рисками, прозрачности резервов и прав пользователей на безусловный выкуп активов по номиналу.

По мнению СФС, резервы должны состоять исключительно из высоколиквидных активов с минимальным рыночным и кредитным риском (например, краткосрочные государственные облигации или депозиты в надежных коммерческих банках). Активы резервного фонда должны быть юридически и фактически отделены от собственного имущества эмитента и храниться у независимых хранителей.

Для СФС наличие безусловного права выкупа – это обязательное условие для легального функционирования любого стейблкоина. Эмитенты обязаны предоставить всем держателям монет четкое, прозрачное и юридически обязывающее право на выкуп актива в любое время.

Также СФС фактически вывела алгоритмические стейблкоины за рамки безопасных финансовых инструментов, так как они не способны гарантировать стабильность курса в периоды паники на рынке.

МВФ (International Monetary Fund) рассматривает стейблкоины с точки зрения их влияния на денежный суверенитет и финансовую стабильность. Фонд опасается «криптоизации» – ситуации, когда граждане отказываются от нацвалюты в пользу стейблкоинов, из-за чего

центральные банки могут начать терять контроль.

Фонд использует достаточно широкое экономико-правовое определение: «стейблкоины – это криптоактивы, которые стремятся поддерживать стабильную стоимость относительно указанного актива или пула/корзины активов» [8, с.8].

МВФ не запрещает и видит потенциал стейблкоинов в ускорении трансграничных платежей и снижении их стоимости. Однако организация решительно выступает против предоставления им статуса законного платежного средства (legal tender) или официальной валюты, чтобы избежать подрыва суверенитета национальных денег. Этом плане подход МВФ схож с подходом США, где разделяются понятия «способа платежа» и «законного платежного средства» [8, с.32].

МВФ подчеркивает, что стейблкоины настолько стабильны, насколько надежны их резервы. Фонд рекомендует жесткое обеспечение высококачественными и ликвидными активами. Оптимальным считается 100-процентное обеспечение

МВФ настаивает на том, что пользователи должны иметь юридически закрепленное право выкупа (погашения) стейблкоинов по номинальной стоимости. Инвесторы и пользователи не должны сталкиваться с необоснованными отказами, высокими комиссиями при выкупе или задержками, провоцирующими панику.

МВФ придерживается рекомендательного подхода и поддерживает комплексные регуляторные политики, включая полное резервирование, право на погашение, надзор за эмитентами и международную координацию [19, с.25]. Цель – выработка высокоуровневых рекомендаций по регулированию, надзору и разрешению. Подход – разрешительный при условии комплексного регулирования (лицензирование, резервы, трансграничная координация). Разрешены все типичные операции при полном соответствии требованиям; запрещены или сильно ограничены системно значимые GSC без адекватного надзора. Thematic Review 2025 г. констатировал значительные пробелы в имплементации (только пять юрисдикций полностью реализовали рамки).

Ни один из документов МВФ не имеет обязательной юридической силы. Все они носят рекомендательный характер. Однако МВФ использует их при составлении кредитных программ, оценке финансовой системы стран и выдаче страновых рекомендаций, влияя на то, как национальные правительства принимают собственные закон

Банк международных расчетов (БМР) определяют стейблкоины как

«частноэмитированные цифровые токены, предназначенные для поддержания стабильной стоимости относительно указанного референсного актива, чаще всего суверенной валюты или корзины активов» [20, с.2].

БМР занимает довольно осторожную позицию по отношению к стейблкоинам. БМР не пытается «запретить» стейблкоины, но критикует их текущую форму и считает, что они не могут быть фундаментом денежной системы. Так, банк указывает, что стейблкоины не обеспечивают единство денег. Это означает, что 1 доллар в стейблкоине не всегда равен 1 фиатному доллару [21, с.92]. В качестве возможной альтернативы стейблкоинам банк предлагает также развивать государственные цифровые валюты вместо того, чтобы полагаться на частные токены и интегрировать их в единую программируемую финансовую платформу.

БМР признает потенциал стейблкоинов в трансграничных переводах, но считает их непригодными для широкого использования в качестве платежного средства внутри страны. При этом БМР настаивает на полном покрытии стейблкоинов резервами. По мнению банка пользователь также должен иметь юридически закрепленное право в любой момент обменять токен на фиатную валюту у эмитента по номиналу.

Таким образом, сравнительный анализ позиций международных организаций выявляет существенную фрагментацию подходов. ФАТФ фокусируется преимущественно на рисках отмывания денег и финансирования терроризма, рассматривая стейблкоины как виртуальные активы и акцентируя внимание на идентификации участников операций (KYC) и применении Рекомендаций. СФС делает основной акцент на макроэкономических и системных рисках, вводя категорию глобальных стейблкоинов и принцип «один и тот же риск — одна и та же деятельность, одно и то же регулирование», с жёсткими требованиями к качеству резервов, их обособлению и безусловному праву держателей на выкуп по номиналу. МВФ подчёркивает угрозы криптоизации и монетарному суверенитету государств, рекомендуя 100-процентное обеспечение высококачественными ликвидными активами, юридически закреплённое право погашения и выступая против придания стейблкоинам статуса законного платёжного средства. БМР занимает наиболее осторожную позицию, критикуя стейблкоины за подрыв единства денег и предпочитая развитие государственных цифровых валют как более надёжной альтернативы.

В итоге, даже на межинституциональном уровне отсутствует единое видение правовой природы стейблкоинов: для одних это прежде

всего инструмент ПОД/ФТ, для других — потенциальный системный риск, для третьих — угроза монетарному суверенитету, для четвёртых — несовершенная альтернатива государственным деньгам.

Необходимость гармонизации обусловлена несколькими объективными факторами. Во-первых, трансграничный характер стейблкоинов создаёт риски регуляторного арбитража: эмитенты могут выбирать юрисдикции с наиболее мягким регулированием, что подрывает глобальную финансовую стабильность. Во-вторых, отсутствие единых стандартов к качеству резервов, праву на погашение и надзору за эмитентами увеличивает вероятность кризисов доверия, способных перерасти в системные. В-третьих, стейблкоины уже активно используются в международной торговле и децентрализованных финансах, и отсутствие гармонизированных правил затрудняет их легальное применение, повышает транзакционные издержки и создаёт правовую неопределённость для участников рынка. В-четвёртых, гармонизация необходима для защиты прав держателей и минимизации рисков для розничных инвесторов, особенно в условиях, когда национальные режимы существенно различаются.

Перспективы регулирования стейблкоинов

Критическая оценка возможности гармонизации этих подходов в рамках единого международного документа показывает её высокую сложность. Глубокие различия в институциональных приоритетах (борьба с ПОД/ФТ, системная стабильность, монетарный суверенитет), а также конкуренция частных стейблкоинов с государственными проектами цифровых валют и опасения потери контроля над денежно-кредитной политикой подчеркивают противоречивость задач, с необходимостью решения которых неизбежно сталкивается любой регулятор.

Международное право здесь сталкивается с фундаментальными вопросами: возможно ли в принципе выработать универсальное определение стейблкоина с учётом их технологической и экономической разнородности (от централизованных фиатно-обеспеченных до децентрализованных алгоритмических)? Каковы правовые пределы «рекомендательных» (soft law) подходов, учитывая их зависимость от национальной имплементации и отсутствие принудительных механизмов? Как показывает практика, рекомендательные документы часто формулируются на высоком уровне абстракции, оставляя государствам значительную свободу усмотрения.

Системным решением данной проблемы могла бы стать разработка и принятие Международной рамочной конвенции о стабильных цифровых активах в рамках одной из международных организаций, например, ВТО. Данный документ мог бы способствовать формированию единого правового пространства для эмиссии и обращения стейблкоинов и включать в себя единую классификацию стейблкоинов, закрепление их правового статуса, установление минимальных требований к качеству и ликвидности базовых активов, юридическое закрепление безусловного права держателя на обмен токена на фиатную валюту по номиналу в кратчайшие сроки, а также создание механизмов взаимного признания лицензий эмитентов, что позволило бы использовать стейблкоины в международной торговле без дополнительных юридических барьеров.

В целом, учитывая существование таких регламентов как MiCA, можно сделать вывод, что создание наднациональных актов подобного уровня, созданных под влиянием мягкого права международных организаций и направленных на регулирование криптоактивов в целом и стейблкоинов в частности, вполне возможно в рамках международного права. Однако, данный регламент был принят в условиях уже осуществленной глубокой интеграции государств, между которыми не было серьезных разногласий относительно подходов к регулированию.

СФС в своём обзоре 2025 года подтверждает, что только пять юрисдикций полностью имплементировали рекомендации по криптоактивам, среди которых Евросоюз, Гонконг, Япония, Бермуды и Багамские острова [22, с.3].

В глобальных же масштабах практическая реализация подобной конвенции в среднесрочной перспективе представляется маловероятной. Во-первых, центральные банки многих ведущих держав видят в глобальных стейблкоинах прямую угрозу монетарному суверенитету и эффективности денежно-кредитной политики. Во-вторых, существует конкуренция между государственными проектами цифровых валют и частноэмитированными стейблкоинами. Наконец, текущий кризис глобализации и усиление протекционизма препятствуют достижению консенсуса: страны стремятся создавать собственные закрытые цифровые экосистемы, а не универсальные открытые платформы, что делает подписание всеобъемлющей конвенции труднодостижимой задачей.

Реалистичным сценарием остаётся эволюционное сближение регуляторных стандартов через механизмы взаимного признания, экстерриториального применения

национальных норм и поддержку «мягким правом» международных организаций.

Таким образом, правовая природа стейблкоинов, несмотря на их стремительное проникновение в глобальную финансовую систему, остается одной из наиболее сложных и неразрешенных проблем современного международного экономического права. Анализ национальных регуляторных режимов показывает глубокую фрагментацию – от полного запрета до формирования сложных иерархических систем. В свою очередь, подходы международных организаций, хотя и вырабатывают важные рамочные принципы (борьба с ПОД/ФТ, управление системными рисками, защита монетарного суверенитета), носят рекомендательный и узкосекторальный характер. Отсутствие универсального юридически обязывающего документа оставляет государства один на один с вызовами цифровой эпохи.

Концепция создания рамочного международного соглашения, регулирующего стейблкоины представляет собой теоретически оптимальную, но практически труднодостижимую цель на среднесрочную перспективу. Реалистичный сценарий развития событий лежит, скорее всего, не в плоскости принятия единого кодифицированного акта, а в эволюционном сближении регуляторных стандартов через механизмы взаимного признания и экстерриториального применения. Именно такое поэтапное сближение, поддерживаемое «мягким правом», может стать прагматичным путем к гармонизации, позволяя сохранить баланс между инновациями, защитой прав держателей и глобальной финансовой стабильностью.

Список литературы:

- [1] Илькевич Сергей Викторович, Перспективы применения цифровых финансовых активов и криптовалют во внешнеэкономической деятельности российских промышленных компаний // Инновационное развитие экономики № 6 (78) – 2023, с. 64-72
- [2] Лисовская И. А. Токены и стейблкоины в системе цифровых финансовых активов // Вестник ПГТУ. Сер.: Экономика и управление. 2024. № 2 (61) с. 60-69
- [3] Stablecoin Market Cap Chart, Supply & Peg Data [Электронный ресурс] // DeFiLlama. — URL: <https://defillama.com/stablecoins> (дата обращения: 10.05.2026).
- [4] Кочергин Д. А. Экономическая природа и классификация стейблкоинов // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 6. С. 140–160.
- [5] Горбачева Т. А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет

// Финансовый журнал. 2022. № 1. С. 126–139.

[6] Kosse A. et al. Will the real stablecoin please stand up? // BIS Papers. 2023. No. 141, 27 p.

[7] Arner D. W., Auer R., Frost J. Stablecoins: risks, potential and regulation // BIS Working Papers. 2020. No. 905, 29 p.

[8] Cerutti E. et al. Understanding Stablecoins // IMF Departmental Paper, 009 (2025), 56 p.

[9] Cheng B. Run Away from the Run Risk of Stablecoins // Penn State Law Review. Penn Statim 19 (2024). 27 p.

[10] Переседов Алексей Михайлович, О совершенствовании законодательного определения цифровой валюты // Вестник СГЮА. 2026. №1 (168), с.227.

[11] Пепеляева Л.В., Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2026;21(4), с. 48-61.

[12] Krause D. Beyond the GENIUS Act: Regulatory Gaps and Operational Challenges in Stablecoin Adoption // University of Miami Law Review. 2026. Vol. 80. с. 338-358

[13] Burlon L. et al. Stablecoins and monetary policy transmission // ECB Working Paper Series. 2025/2026. No. 3199, 45 p.

[14] Рудяшкина И. С. Сравнительный анализ систем регулирования криптовалют // Научный журнал «Управленческий Учет» №7 2022 с.419-425т

[15] FATF Report to the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on So-called Stablecoins. // Paris : FATF, 2020, 32 p.

[16] FATF. Targeted Report on Stablecoins and Unhosted Wallets – Peer-to-Peer Transactions. // Paris : FATF, 2026, 42 p.

[17] Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements: FSB Report to the G20 // Financial Stability Board (FSB). – Basel : FSB, 2020. – 73 p.

[18] High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements: Final report // Financial Stability Board (FSB). 41 p

[19] Elements of Effective Policies for Crypto Assets : IMF Policy Paper // International Monetary Fund. – Washington, D.C., 47 p

[20] Aldasoro I., Frost J., Ito H. The impact of stablecoins on the international monetary and financial system // BIS Papers. No 170. May 2026., 33 p.

[21] Bank for International Settlements. Blueprint for the future monetary system: improving the old, empowering the new // Annual Economic Report 2023. — Basel : BIS, 2023, 34 p.

[22] Thematic Review on FSB Global Regulatory Framework for Crypto-asset Activities :

Peer Review Report // Financial Stability Board. — Basel : FSB, 2025. — 80 p.

[23] В Краснодарском крае создан первый прецедент взыскания алиментов с брокерского счета [Электронный ресурс] // Главное управление Федеральной службы судебных приставов по Краснодарскому краю, Режим доступа: URL <https://r23.fssp.gov.ru/prensa/news/5f28466b-ea2-444b-ae9c-a2196472f0bf> (дата обращения 14.06.2026)

References:

[1] Ilkevich Sergey Viktorovich, Prospects for the use of digital financial assets and cryptocurrencies in the foreign economic activity of Russian industrial companies//Innovative economic development No. 6 (78) - 2023, p. 64-72

[2] Lisovskaya I. A. Tokens and stablecoins in the system of digital financial assets//Vestnik PSTU. Ser.: Economics and management. 2024. No. 2 (61) p. 60-69

[3] Stablecoin Market Cap Chart, Supply & Peg Data [Электронный ресурс] // DeFiLlama. - URL: <https://defillama.com/stablecoins> (access date: 10.05.2026).

[4] Kochergin D.A. Economic nature and classification of stablecoins//Finance: theory and practice. 2020. VOL. 24. № 6. S. 140-160.

[5] Gorbachev T. A. The concept of stablecoins and the current state of the stable coin market//Financial Journal. 2022. № 1. S. 126-139.

[6] Kosse A. et al. Will the real stablecoin please stand up? // BIS Papers. 2023. No. 141,27 p.

[7] Arner D. W., Auer R., Frost J. Stablecoins: risks, potential and regulation // BIS Working Papers. 2020. No. 905, 29 p.

[8] Cerutti E. et al. Understanding Stablecoins // IMF Departmental Paper, 009 (2025), 56 p.

[9] Cheng B. Run Away from the Run Risk of Stablecoins // Penn State Law Review. Penn Statim 19 (2024). 27 p.

[10] Peresedov Alexey Mikhailovich, On improving the legislative definition of digital currency// Bulletin of SSLA. 2026. No. 1 (168), p.227.

[11] Pepelyaeva L.V., New directions for the use of stablecoins and issues of legal regulation// Current problems of Russian law. 2026; 21 (4), p. 48-61.

[12] Krause D. Beyond the GENIUS Act: Regulatory Gaps and Operational Challenges in Stablecoin Adoption // University of Miami Law Review. 2026. Vol. 80. from. 338-358

[13] Burlon L. et al. Stablecoins and monetary policy transmission // ECB Working Paper Series. 2025/2026. No. 3199, 45 p.

[14] Rudyashkina I. S. Comparative analysis of cryptocurrency regulation systems//Scientific journal “Management Accounting” No. 7 2022 p.

419-425t

[15] FATF Report to the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on So-called Stablecoins. // Paris : FATF, 2020, 32 p.

[16] FATF. Targeted Report on Stablecoins and Unhosted Wallets – Peer-to-Peer Transactions. // Paris : FATF, 2026, 42 p.

[17] Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements: FSB Report to the G20 // Financial Stability Board (FSB). – Basel : FSB, 2020. – 73 p.

[18] High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements: Final report // Financial Stability Board (FSB). 41 p

[19] Elements of Effective Policies for Crypto Assets : IMF Policy Paper // International Monetary Fund. – Washington, D.C. , 47 p

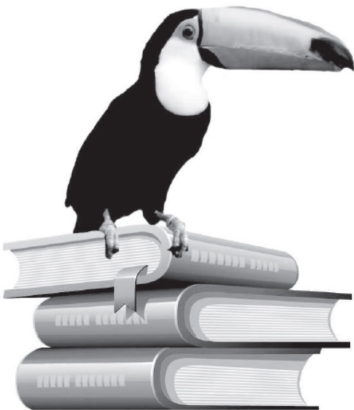
[20] Aldasoro I., Frost J., Ito H. The impact

of stablecoins on the international monetary and financial system // BIS Papers. No 170. May 2026., 33 p.

[21] Bank for International Settlements. Blueprint for the future monetary system: improving the old, empowering the new // Annual Economic Report 2023. — Basel : BIS, 2023, 34 p.

[22] Thematic Review on FSB Global Regulatory Framework for Crypto-asset Activities : Peer Review Report // Financial Stability Board. — Basel : FSB, 2025. — 80 p.

[23] The first precedent for collecting alimony from a brokerage account has been created in the Krasnodar Territory [Electronic Resource]//Main Directorate of the Federal Bailiff Service for the Krasnodar Territory, Access Mode: URL <https://r23.fssp.gov.ru/prensa/news/5f28466b-ead2-444b-ae9c-a2196472f0bf> (date of contact 14.06.2026)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru